
ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

УДК7.05

DOI 10.31249/hoc/2019.04.09

Жук Э.Н.[©]

ХУДОЖНИК ИВАН БИЛИБИН

Обзор

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия*

Аннотация. Обзор посвящен жизни и творчеству замечательного русского художника Ивана Яковлевича Билибина (1876–1942), книжного иллюстратора и создателя блестящих театральных костюмов и декораций.

Ключевые слова: книжные иллюстрации; русские народные сказки; «Мир искусства».

Zhuk E.N.

Artist Ivan Bilibin

Review

*Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences*

Abstract: The review is devoted to the life and work of the remarkable Russian artist Ivan Yakovlevich Bilibin (1876–1942), book illustrator and creator of brilliant theatrical costumes and scenery.

Keywords: book illustrations; Russian folk tales; «The World of arts».

Иван Яковлевич Билибин родился 4(16) августа 1876 г. в с. Тарховке близ Сестрорецка в семье, связанной с морским флотом. Отец его был главным врачом военно-морского госпиталя в Либаве (ныне Лиепая в Латвии), а мать происходила из семьи морского инженера. Школьные годы Билибина прошли в 1-й Петербургской гимназии. В этом легендарном заведении учились многие выдающиеся представители будущего объединения «Мир искусства». Ее окончили А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарь, М.В. Добужинский, Н.К. Рерих и многие другие [3, с. 139–140].

В старших классах гимназии Билибин начал посещать Школу императорского Общества поощрения художеств. По окончании гимназии в 1896 г., не без давления отца, он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Находясь на втором курсе, Билибин направился в Мюнхен, в школу А. Ашбе.

В 1898 г. Билибин поступил в Тенишевскую мастерскую И.Е. Репина, а через два года перешел вольнослушателем в мастерскую учителя в Высшем художественном училище Академии художеств, где занимался до 1904 г.

Билибин считал, что ему было бы легче найти свой путь, окажись он не петербуржцем, а москвичом. Характерное для его времени увлечение национальным прошлым, бесспорно, ярче проявилось в Москве. Исторических живописцев и театральных декораторов, архитекторов и монументалистов, иллюстраторов и прикладников вдохновляли памятники московского зодчества и иконописи, коллекции древностей, весь дух старой русской столицы. С Москвой связан расцвет творчества Сурикова и Виктора Васнецова, Врубеля и Рябушкина, Шехтеля и Щусева, Поленова и Малютина.

В отношении Билибина действовал, очевидно, закон психологического контраста [2, с. 5]. В юноше, воспитанном в петербургской среде, в атмосфере, далекой от национально-романтических увлечений, исподволь зрел интерес к отечественной старине, русской сказке, народному искусству. Неизгладимое впечатление произвела на него открытая в феврале 1899 г. в Академии художеств выставка В.М. Васнецова, на которой среди других произведений экспонировались незадолго до этого написанная картина «Богатыри», один из вариантов «Витязя на распутье», эскизы декораций и костюмов к «Снегурочке» Н.А. Римского-Корсакова. Несколько месяцев спустя Били-

бин впервые попал в глухую русскую деревню Тверской губернии. Здесь он создал первые акварели на сюжеты русских народных сказок.

С самого начала в работах Билибина появляется нечто, что делает их легко узнаваемыми, отличает от созданий предшественников и современников. Узорность рисунка и декоративность расцветки позволили даже в жанровых сценах передать ощущение волшебного мира. Сказка сливается с образами русской природы и старины, интерес к которой усилился после поездки в январе 1900 г. в Новгород и Москву. Москва особенно поразила Билибина. В праздничности и многоцветии архитектурных ансамблей Кремля, монастырей, Троице-Сергиевой лавры он увидел то, к чему инстинктивно стремился как художник.

Первыми акварелями Билибина на сюжеты русских народных сказок заинтересовалась «Экспедиция заготовления государственных бумаг» – учреждение, обладающее большими полиграфическими возможностями. В результате в 1901–1903 гг. «Экспедиция» издает шесть крупноформатных книжек-тетрадей с иллюстрациями Билибина к народным сказкам. Это были сказки «Царевна-лягушка» (1901), «Василиса Прекрасная» (1902), «Марья Моревна» (1903) и др. [5, с. 144–145].

В период работы над «Сказками» Билибин постепенно сближается с кружком «Мир искусства». Под этим названием с конца 1898 г. группа петербургских художников и литераторов во главе с С.П. Дягилевым и А.Н. Бенуа издавала журнал, а со следующего года устраивала выставки, ставшие в России знаменем художественных исканий рубежа веков.

В 1899 г. Л. Бакст познакомил Билибина с Дягилевым, предложившим художнику сотрудничество в журнале «Мир искусства». В этом же году билибинские заставки и концовки появились на страницах журнала. Билибин стал постоянным участником выставок «Мира искусства» (1900–1906), в 1903 г. вместе с другими «мирискусниками» вступил в Союз русских художников, после раскола которого в 1910 г. оказался одним из активных членов возрожденного «Мира искусства» и в 1917 г. был избран его председателем [5, с. 143–144].

Взоры художников, составивших ядро «Мира искусства», были устремлены к культуре ушедших столетий. И хотя исторические пристрастия «романтиков с берегов Невы», очарованных Версалем, барочным и ампирическим Петербургом, отличались от билибинских, имен-

но пример Александра Бенуа и его сподвижников побудил ревнителя допетровской старины к серьезному изучению художественного наследия.

Мстислав Добужинский о Билибине вспоминал так: «На фоне нашего петербургского “европеизма” он был единственный истинно русский в своем искусстве и среди общей разнородности выделялся как “специалист”, ограничивший себя только русскими темами... Он был забавный, остроумный собеседник (заикался, что придавало особую прелесть его шуткам) и обладал талатном, особенно под влиянием вина, писать шуточные высокопарные оды под Ломоносова. Происходил он из именитого петербургского купеческого рода и очень гордился принадлежавшими ему двумя портретами предков кисти самого Левицкого. <...> Сам Билибин носил русскую бородку *a la moujik* и раз на пари прошелся по Невскому в лаптях и высокой войлочной шапке-гречанке» [5, с. 143].

Любовь к Древней Руси роднила Билибина с другим художником, примкнувшим к «Миру искусства» несколько позже, – с Н.К. Рерихом. Археологические и философские интересы влекли последнего вглубь веков, к монументализму языческой и раннехристианской Руси. Билибин же был восхищен и захвачен узорочьем измельченных форм, ювелирной отделкой деталей, праздничностью цвета, характерными для искусства XVII в., живые отголоски которого художник находил в народном творчестве последующих столетий. В своей первозданной красоте оно открылось перед ним во время его поездок в 1902–1904 гг. по Русскому Северу. Билибин собрал замечательную коллекцию произведений художественных ремесел, большая часть которой легла в основу создавшегося тогда этнографического отдела Русского музея, выполнил фотоснимки памятников деревянного зодчества. Все это стало одним из аспектов деятельности «Мира искусства», направленной на изучение и популяризацию художественной культуры прошлого.

Древняя Русь дала Билибину не только темы, но и подсказала характер их воплощения. Художник ориентируется на стилистику древнерусского искусства, разумеется, не копируя старые образцы, а интерпретируя их в соответствии со вкусами своей эпохи и индивидуальностью.

Ретроспективные устремления художников конца XIX – начала XX в. тесно связаны с поисками нового стиля, в России получившего

название *модерн*. Широко распространившись по всему миру, этот стиль приобрел интернациональные черты, вместе с тем во многих странах появились его национальные варианты, основанные на отечественных традициях. Мастерам модерна открылась эстетическая ценность восточных культур, средневекового искусства, народного творчества. Однако, в отличие от представителей последующих авангардистских направлений, они не могли решительно порвать с воспитавшей их академической системой.

Важным этапом в формировании билибинского стиля, оказавшегося одним из индивидуальных проявлений модерна, стали работы 1902–1905 гг., выполненные под непосредственным впечатлением от поездок на Русский Север. Это иллюстрации к былина «Вольга» и «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина. Здесь со всей щедростью и блеском продемонстрирована любовь к искусству русского XVII в. – этого, по словам самого художника, «очаровательного сказочного времени в отношении народного художественного творчества» [2, с. 10].

В обеих сериях иллюстраций наряду с национальными образцами дает о себе знать сыгравшая значительную роль в сложении графики модерна японская ксилография. Так, в иллюстрациях к пушкинской сказке сцены приема гостей и пира пронизаны мотивами русского орнамента, а лист с плывущей по морю бочкой – реминисценция «Волны» Хокусая.

Значительно большего стилистического единства достигает Билибин в следующие годы: разнородные влияния – от русского лубка XVII–XVIII вв. до кружевных рисунков Бердслея – ему удается слить теперь в органичный сплав. «Стиль древнерусский (народные картины и старые лубочные сказки, только облагороженные...)» – писал художник о работах тех лет.

Благодаря логической ясности билибинский стиль породил многочисленные внешние подражания. Но, конечно, не ими определяется место мастера в истории отечественной книжной графики, а тем, что, сделав ее своей основной специальностью, он и творческой практикой и педагогической деятельностью, начавшейся в 1907 г. в школе Общества поощрения художеств, утверждал новый подход к оформлению книги. По справедливому мнению С.К. Маковского, Билибин оказался связующим звеном между старшим поколением мирискусников, для которых книжная графика была одним из аспектов многогранной деятельности, и плеядой таких художников, как Г.И. Нарбут, С.В. Чехо-

нин, Д.И. Митрохин, В.Н. Левитский, сгруппировавшихся в конце 1900-х – начале 1910-х годов вокруг петербургского журнала «Аполлон» [2, с. 15].

Графиком оставался Билибин и в театре: в эскизах декораций и костюмов художник пользовался приемами, испытанными в иллюстрациях.

Билибин получил признание как мастер театрального костюма, исторически достоверного и сценически выразительного. Он вместе с А.Я. Головиным выполнил эскизы русских костюмов к опере М.П. Мусоргского «Борис Годунов», с постановки которой в 1908 г. в парижской «Гранд-Опера» начались оперные и балетные сезоны С.П. Дягилева, принесшие русскому искусству европейское и мировое признание [6, с. 244]. В 1909 г. там же в «Гранд-Опера» Билибин вместе с Л. Бакстом, А. Бенуа и К. Коровиным работал над костюмами для танцевальной сюиты «Пир» [там же].

Самым значительным театральным созданием Билибина стало оформление первой постановки оперы Н.А. Римского-Корсакова «Золотой петушок», осуществленной в 1909 г. театром С.И. Зимина в Москве. Выбор декоратора был закономерен. Ведь и Римский-Корсаков и Билибин увидели в пушкинской сказке памфлет на самодержавие.

В 1903 г. Билибина пригласили в театр при Петербургском народном доме императора Николая II, располагавшемся в перевезенном из Нижнего Новгорода павильоне бывшего Художественного отдела Всероссийской выставки. Для Народного дома Билибин оформлял оперы «Руслан и Людмила» и «Садко».

Театр и обширная преподавательская работа не мешали Билибину заниматься графикой. Он продолжал интенсивную работу, создавая обложки, титульные листы для собраний сочинений А.В. Амфитеатрова, М.П. Арцыбашева, А.И. Куприна, Ф.Л. Соллогуба, А.К. Толстого. Он иллюстрировал книги Д'Аннунцио, Киплинга, Уэлса, Ницше и др.

Если первое десятилетие творчества художника прошло под знаком становления его стиля, как мастера книги и театрального художника, то второе (1910–1920-е годы) можно было бы считать рождением художника-монументалиста. Изучение древнерусской живописи, опыт работы в театре с большими плоскостями привели его к монументальному искусству. Началась его деятельность как художника-монументалиста в 1913 г. с разработки эскизов на росписи стен и потолка в здании Нижегородского банка, созданного В.А. Покровским

на средства нижегородского купечества в честь победы ополчения Минина и Пожарского над польскими интервентами в 1612 г. и 300-летия Дома Романовых. На открытие банка приезжал Николай II. Постройка была уникальной. Здание и сегодня выделяется своей сказочностью, в окружающей застройке аналогов ему нет. Росписи по эскизам Билибина были выполнены братьями Пашковыми.

Февральскую революцию художник принял сочувственно, вошел в состав Особого совещания по делам искусств, выполнил эскиз нового герба – двуглавый орел без короны, бывший до недавнего времени эмблемой Центрального банка России, украшающей российские рубли и купюры.

В сентябре 1917 г. предчувствуя новые социальные потрясения, Билибин покинул Петроград и уехал в Батилиман, где в начале 1910-х годов вместе с В.Г. Короленко, В.И. Вернадским, О.Л. Книппер-Чеховой он приобрел небольшой участок земли недалеко от Балаклавы. Вскоре он переехал в Ростов-на-Дону, затем в Новороссийск. Откуда, как он писал в 1939 г., «...Под влиянием панического страха и соблазна увидеть экзотические страны, о чем, как художник, всегда мечтал, в феврале 1920 г. с волною беженцев отплываю на пароходе в неизвестном направлении. Судьба забрасывает меня в Египет...» [2, с. 196].

Поселившись в Каире, Билибин много работал для греческих колонистов: расписывал частные особняки, создавал иконостас для госпитальной церкви. Здесь он встретился с Анной Павловой, для которой создал декорации и костюмы к балетам Н.Н. Черепнина «Русская сказка» и «Роман мумии» [3, с. 150].

Итогом жизни художника на Востоке стала выставка в Александрии, куда он перебрался в 1924–1925 гг. Успех ее был грандиозен, а все работы распроданы. Несмотря на спокойную и вполне благополучную жизнь в Египте, Билибин в январе 1925 г. вместе с семьей переезжает в Париж.

Здесь он снял большую мастерскую на бульваре Пастера. В средствах он не нуждался, так как заработанного на Востоке хватало. Будучи человеком общительным, начал устраивать по старой памяти среды, на которых собиралось эмигрантское общество. Здесь у Билибина бывали княгини М.К. Тенишева и Святополк-Четвертинская, князь С.А. Щербатов, А.И. Куприн, И.А. Юнин, Саша Чёрный, А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, М.В. Добужинский и другие.

Однако общество это было уже совсем иное, чем то, которое он видел в Петербурге и Москве. Бывшие друзья стали врагами, кто-то сумел адаптироваться, кто-то так и не смог принять парижскую жизнь.

Билибин окунулся в работу. Он участвовал в оформлении журнала «Жар-птица», рисовал открытки для русских издательств Н. Карбашникова в Париже и О. Дьяковой в Берлине. С 1930 г. он стал получать заказы от французских издательств, для которых иллюстрировал сборники русских, французских и немецких сказок, сочинения по истории. В это время он получил крупный заказ из Праги на эскизы фресок и иконостас православного храма на Ольшанском кладбище.

В годы парижской жизни Билибин был чрезвычайно востребован и как художник театра. Одну за другой с 1920 по 1931 г. он оформил оперы «Князь Игорь», «Борис Годунов», «Царская невеста» и «Сказка о царе Салтане». В 1931 г. состоялась постановка балета Стравинского «Жар-птица» для знаменитого театра Колон в Буэнос-Айресе (хореография М.М. Фокина). В Париже он всегда был востребован и как театральный художник, и как иллюстратор многочисленных книг, но его неизбежно тянуло в Россию. «Я уже несколько лет мечтаю вернуться на родину... Ассимилироваться с другим народом я не могу. Я никак не могу принять гражданство чужой для меня страны, как это сделали многие из наших коллег. Вместо того, чтобы отдавать все свои силы другой стране, хочется их отдавать своей родине», – писал Билибин в апреле 1935 г. в письме И.И. Бродскому, возглавлявшему тогда Всероссийскую Академию художеств [2, с. 205].

В 1935 г. он получил советское гражданство. Приведя в порядок свои дела и создав для советского полпредства в Париже декоративное панно «Микула Селянинович», в сентябре 1936 г. на теплоходе «Ладога» Билибин возвратился в Ленинград.

Приняли его хорошо. Он был назначен профессором графической мастерской института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств. Билибин оформил спектакли «Сказка о царе Салтане» (1937) в Кировском театре оперы и балета и «Полководец Суворов» в театре драмы и комедии им. Пушкина (1938).

Из книжных работ наиболее известными стали иллюстрации к роману А.Н. Толстого «Петр I» (1937) и к «Песне про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова (1939).

Художник был в расцвете творческих сил и таланта. Собирался праздновать юбилей и организовывать выставку своих работ. Заня-

тость на важных работах – он был привлечен к участию в декоративном оформлении Дворца Советов в Москве – не оставляла времени на другое... Юбилейная выставка была отложена, начать работу над постановкой фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» он не успел.

За всю свою жизнь Иван Яковлевич Билибин проиллюстрировал более 25 книг. Ориентируясь на традиции древнерусского и народного искусства, художник разработал логически последовательную систему графических приемов, которая в совокупности со своеобразием трактовки былинных и сказочных образов дали возможность говорить об особом «билибинском» стиле [4, с. 285].

Начавшаяся война сорвала все планы. Последней работой художника стали подготовительные иллюстрации к былине «Дюк Степанович» (1941).

Когда началась блокада города, Билибин отказался от эвакуации, написав об этом заявление в Академию художеств. Своему ученику сказал: «Молодой человек, из осажденной крепости не бегут, обороняются» [1, с. 28].

Художник, несмотря на все невзгоды и испытания, продолжал работать над серией открыток-лубков с батальными сценами на тему защиты города. Новый 1942 г. Иван Яковлевич встречал в подвале бомбоубежище Академии художеств с коллегами-художниками. Готовясь к праздничному торжеству, тяжело больной Иван Яковлевич написал стилизованное приветствие в стихах, назвав его «Одой». Она убеждает в величайшем мужестве ее автора – неисправимого романтика, которого не станет через месяц. 7 февраля Иван Яковлевич Билибин скончался от воспаления легких при полном истощении. В 1960 г. над его могилой был установлен памятник по проекту архитектора В. Мунца [1, с. 28].

За два года до смерти И.Я. Билибин написал следующие слова: «Мне было 23 года, когда я, еще студент университета и одновременно ученик Репина, нарисовал свои три первые народные сказки... С этих пор начинается мое постоянное изучение русского народного творчества, и для меня, вообще, сказки, былины, духовные стихи связаны в одно целое с вышивками, набойками, резьбой по дереву, с народным зодчеством. С народными картинами и т.д. С этого я начал свою деятельность, и на этом же я хотел бы ее и кончить, когда дочитаю свою Книгу Судьбы до последней ее страницы» [3, с. 157].

Список литературы

1. Звонарева Л.У., Кудрявцева Л.С. Неожиданный романтизм Билибина // X и П – Художник и писатель в детской книге. – М., 2010. – № 2. – С. 22–28.
2. Иван Билибин: Альбом / автор-сост. С.В. Гольнец. – Л.: Аврора, 1987. – 287 с.
3. Косарева Е.В., Поровская Г.А. Вклад И.Я. Билибина в историю отечественной графики и развитие искусства иллюстрации // Международный студенческий научный вестник. – М., 2017. – № 4. – С. 130–278.
4. Мишачёва И.В. Мир народной сказки в книжной иллюстрации рубежа XIX–XX вв.: герои и пейзажи. Герман Фогель (Германия) – Иван Билибин (Россия) // Вестник славянских культур. – М., 2018. – Т. 48. – С. 280–290.
5. Русские народные сказки. Иллюстрации И.Я. Билибина. – М.: Игра слов, 2009. – 160 с.
6. Русские сезоны в Париже. Эскизы декораций и костюмов 1908–1929: Альбом. – М.: Искусство, 1988. – 252 с.

References

1. Zvonareva L.U., Kudryavceva L.S. Neozhidannyj romantizm Bilibina // H i P – Hudozhnik i pisatel' v detskoj knige. – M., 2010. – № 2. – S. 22–28.
2. Ivan Bilibin: Al'bom / Avtor-sost. S.V. Goly nec. – L.: Avrora, 1987. – 287 s.
3. Kosareva E.V., Porovskaya G.A. Vklad I. Ya. Bilibina v istoriyu otechestvennoj grafiki i razvitie iskusstva illyustracii // Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. – M., 2017. – № 4. – S. 130–278.
4. Mishachyova I.V. Mir narodnoj skazki v knizhnoj illyustracii rubezha XIX–XX vv.: geroi i pejzazhi. German Fogel' (Germaniya) – Ivan Bilibin (Rossiya) // Vestnik slavyanskih kul'tur. – M., 2018. – T. 48. – S. 280–290.
5. Russkie narodnye skazki. Illyustracii I. Ya. Bilibina. – M.: Igraslov, 2009. – 160 s.
6. Russkie sezony v Parizhe. Eskizy dekoracij i kostyumov 1908–1929: Al'bom. – M.: Iskusstvo, 1988. – 252 s.